
УДК 82.0(470.621)

ББК 83.3(2=Ады)

П 18

Паранук К.Н.

*Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: kutas01@mail.ru*

**Мифопоэтический контекст повестей адыгейского писателя
Нальбия Куека «Превосходный конь Бечкан» и «Лес Одиночества»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается влияние мифопоэтики на художественную основу повестей Н. Куека «Превосходный конь Бечкан» и «Лес Одиночества». Выявляются особенности пространственно-временного континуума повести, исследуются темпоральные планы, определяется степень мифологизации образов. В ходе анализа определяется концептуальный характер ведущих мифологем – леса и одиночества – в повествовательном нарративе. Результаты исследования свидетельствуют о значительном влиянии поэтики и онтологии мифа на семантику и художественную структуру повестей Н. Куека.

Ключевые слова:

Мифопоэтика, хронотоп, темпоральные планы, неомифологизм, мифологема леса, мифологема одиночества, онтология, сакрализация.

Paranuk K.N.

*Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe
State University, e-mail: kutas01@mail.ru*

**Mythic-poetic context of great stories of Adyghean writer
Nalbiy Kuyek «Bechkan's excellent horse» and «Loneliness Wood»**

Abstract:

The paper shows how mythic poetics influences an art basis of stories of N. Kuyek “Bechkan's excellent horse” and “The Loneliness Wood”. The author reveals features of a space-time continuum of the great story, temporal plans and degree of a mythologization of images. During the analysis, the conceptual character of leading mythologemes – the wood and loneliness – are defined in narrative. Results of research testify to considerable influence of poetics and myth ontology on semantics and art structure of great stories of N. Kuyek.

Keywords:

Mythic poetics, chronotope, temporal plans, neomythologizm, wood mythologeme, loneliness mythologeme, ontology, sacralization.

Мифологизм был присущ северо-кавказским литературам на всех этапах развития, в том числе и на современном этапе. Е.М. Мелетинский справедливо

отмечает: «Пафос мифологизма XX в. не только и не столько в обнажении измельчания и уродливости современного мира с этих поэтических высот, сколько в вы-

явлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [1: 295].

Писатели Северного Кавказа все чаще обращаются к поэтике и онтологии мифа для реализации актуальных художественно-эстетических задач. Немифологизм становится весьма устойчивой тенденцией и в развитии современных адыгских литератур, что было отмечено в ряде исследований адыгских литературоведов [2].

Эпику многих известных писателей маркирует активное мифотворчество, глубинный фольклорно-мифологический контекст повествовательного нарратива («Каменный век» Х. Бештокова, «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуяко, «Вино мертвых» «Превосходный конь Бечкан», «Черная гора», «Лес Одиночества» Н. Куека, «Абраг» Д. Кошубаева, «Всемирный потоп» М. Емкужева и др.).

Известный адыгейский поэт, писатель, драматург Нальбий Куек обладал удивительно многогранным литературным дарованием. Основные его завоевания связаны с художественной прозой, для которой характерно масштабное и глубокое осмысление проблем XX века: человек и история, человек и природа, война и мир. В них отобразилось историко-философское мышление автора, талантливо и глубоко раскрывшего особенности национального менталитета, образа жизни, мировидения адыгов. В повестях «Черная гора» (1997 г.), «Лес одиночества» (2006 г.), романе «Вино мертвых» (2002 г.) отразилась вся многострадальная история адыгов, разбросанных по всему миру после русско-кавказской войны XIX в., но все же воскресших из пепла подобно Фениксу и продолжающих удивлять мир красотой и мудростью своего мировидения.

Первым произведением Нальбия Куека на мифологическую тему был рассказ «Глепш» о предсмертных размыш-

лениях богочеловека Глепша. Последовавшие за ним эпические повествования упрочили тенденцию многообразного и творческого использования фольклорно-мифологических истоков в своих художественно-стилевых исканиях.

Самая ранняя повесть Н. Куека «Превосходный конь Бечкан» обнажила тенденцию, ставшую позже весьма устойчивой в его эпике: оригинальный творческий поиск, выраженный в сращении сразу нескольких начал в повествовании - лирического, мифологического и реалистического. В небольшой по объему повести автор выстраивает мифопоэтическую модель мира, позволяющую обозначить сложнейшие проблемы современности, в том числе - проблему Человек и Природа, Человек и его место в мироздании.

Главный герой повести - восьмидесятилетний старик Салих, большую часть жизни он прожил вдали от людей, в лесу, в своем гармоничном мире, рядом с деревьями, лошадьми. Но в отличие от мира природы его взаимоотношения с людьми выстраиваются совершенно иначе. *«Салих думал о лесе. Из восьмидесяти своих лет почти шестьдесят он прожил в лесу, многие звали его за глаза лесным человеком, он и сам знал, что ему в нем намного спокойнее и уютнее, чем с людьми...»* [3: 469]. Он совершенно одинок в социальной среде, ибо никто не хочет понять и разделить устремлений и желаний старика, пытающегося сохранить редкую породу кабардинских скакунов Абекуш, которую он долгие годы адаптировал к природным условиям Адыгеи. Общение Салиха с представителями рода человеческого (председатель колхоза, «партизаны» Хизир и Хаджимос, немецкий офицер, приезжий покупатель коней) носит драматический или даже трагический характер. Для того, чтобы выжить в суровые военные и послевоенные годы, люди готовы и запрячь в повозку выхоленного, выпестованного стариком коня, и продать, и обменять его на

пару обычных лошадей, и даже зарезать, чтобы спастись от голода. Исключение составляют его верные помощники – племянник Лекур и усыновленный им русский мальчик Саня, которые сочувствуют и всячески содействуют ему. В повести четко звучит философская идея о трагизме разлада между человеком и природой. Нарушение гармонии этих взаимоотношений, ощущение безысходности ситуации, в которой оказался герой, приводят к трагической развязке повести: Салих вместе со своим конем Абекушем тонут в бурных водах разлившейся реки. Но автор параллельно в финале дает другую картину, не лишенную оптимизма: на берегу реки вырисовывается четкий силуэт великолепного коня Бечкана, жеребенка, рожденного от кобылицы Абекуш, и он уверенно смотрит вдаль.

Мифопоэтический пласт повести нашел выражение в той особой стихии, которая ощущается в атмосфере всей повести, в которой все герои: люди, кони, деревья, земля – понимают и чувствуют друг друга, являются равноправными участниками изображаемых событий. В повести создается мифопоэтический хронотоп, для которого характерны смена темпоральных планов и мифопоэтически окрашенное пространство, в котором все живет, вибрирует, дышит, пребывая в гармонии со всем миром.

Мифологемы земли, деревьев, леса, коней являются ведущими в мифопоэтическом контексте повести. Лес – это особый поэтический мир, сакральное пространство, которое «живет своей жизнью», это мир, в который тыходишь, тотчас принимая его «законы», «лес непостоянен, звуки и голоса его, дыхание и движение воздуха, свет и тени в нем все время меняются незаметно для человека, не позволяя привыкнуть к нему до конца» [3: 469]. Лес в повести изображен как источник обретения душевной гармонии, это вертикаль его поэтического микро- и макрокосмоса. Мифологема леса (дерева) является в

повести значимой для изображения внутреннего мира героев, психологического состояния.

Мифопоэтика повести ощущается и в предсмертных сновидениях заболевшего старика Салиха, которые, подобно калейдоскопу, мелькают в памяти и выносят из глубин подсознания наиболее яркие эпизоды прожитой жизни. Чередование мифопоэтики с подчеркнуто реалистическими зарисовками жизни и быта аульчан в военные и послевоенные годы в структуре повести способствовали созданию целостной художественной картины мира в повести.

Тотальное господство мифопоэтической стихии, репрезентация разных мифологем и мифоструктур, формирование мифопоэтического хронотопа характерны и для последней повести Н. Куека «Лес Одиночества». Эти две повести роднит сложный мифопоэтический пространственно-временной континуум со смещением темпоральных планов, мифологизируемые образы главных героев и присутствие центральных мифологем леса и одиночества, имеющих концептуальный характер в повествовательном нарративе.

«Лес Одиночества», последняя повесть Н. Куека, представляет собой своеобразный итог всего его творчества. Автор в ней часто апеллирует к образам, мотивам, сюжетам из ранее написанных произведений, придавая им еще более четко выраженный концептуальный характер. В ней также господствует всеобъемлющая мифопоэтическая стихия и реализованы древние архетипы, мифологемы огня, камня, воды, коня, которые позволяют глубже раскрыть авторскую концепцию смысла жизни, человеческого бытия в ракурсе микро- и макрокосмоса.

Центральная мифологема повести, приобретающая в контексте повести концептуальный характер – мифологема Леса. Лес в последней повести Н. Куека, так же как и в первой повести «Превосхо-

дний конь Бечкан», представляет собой сакральное пространство, на этот раз символизирующее хаотичные начала жизни. «Лес размножается. Тени деревьев бродят поблизости в поисках. ... Деревья всегда в пути. Приходит срок к тем, которым уже пора собраться в лес, и они становятся лесом» [4: 423]. Все жители и обитатели этого Леса - люди, животные, деревья, мифологические персонажи - бесконечно одиноки и ведут уединенный образ жизни. Таковы отшельник Люкат, вояка Осмез, чудовищный полуконь, полусобака Хэш. Но даже заезжие на время в Лес Одиночества джигиты-наездники, считающие себя отважными рыцарями, чувствуют опасность, тоску, тревогу и тотальное одиночество, которыми пропитана атмосфера Леса. В мифопоэтическом контексте повести актуализируется еще одна мифологема, имевшая место и в прежних произведениях Н. Куека и приобретающая здесь выраженную идейно-эстетическую значимость, – это мифологема одиночества. Через эти две мифологемы - леса и одиночества – реализуются авторская медитация, философские размышления о добре и зле, жизни и смерти, прекрасном и безобразном, маркируя стержневую онтологическую основу всей повести.

Негативному пространству Леса в повести противостоит гармоничное пространство близлежащего адыгейского аула, в котором живут простые труженики, занятые созидательным трудом, возделывающие с любовью землю. В этом же ауле живет прекрасная девушка Дахана, являющаяся средоточием всего прекрасного, а также ее возлюбленный юноша Темтеч, отважный и благородный. Образы этих молодых людей даны в четко выраженной антиномии с жестокими эгоистичными жителями и обитателями Леса Одиночества (за исключением Люката). Дахана (в переводе с адыгейского «красивая») прекрасна не только внешне, но и душой, она является носителем Света, добра, гармонии, ее любящее серд-

це объемлет всех прощением, милосердием. В ее образе реализованы древние архетипы, символизирующие великое женское начало. Дахана приносит свет и любовь в пространство одним своим присутствием. Недаром пространство Леса Одиночества тревожно реагирует на ее редкие посещения, чувствуя угрозу своему существованию.

Образы жителей и обитателей Леса Одиночества предельно мифологизируются. Таков образ Люката, попавшего в этот Лес еще подростком после того, как враги убили всю его семью и сожгли дотла родной аул. Люкат находит пристанище в заброшенном домике, внутри которого обнаруживает сакральный огонь в кузнечном горне. За время пребывания в этом доме и общения с этим огнем Люкат преобразуется, огонь (символ самой мощной очищающей стихии) выжигает в нем все негативное, и он превращается в лучистое существо. Именно ему пытается вручить свой меч старый вояка Осмез, в образе которого выражены мифоэпические начала. Мятужный дух воина не находит покоя после предательского убийства в стародавние времена. Но труженик Люкат, на протяжении всей повести пребывающий в бесконечных рефлексиях о смысле жизни, поисках своей миссии, в финале повести обращает меч возмездия против самого Осмеца и Хэша. Хэш – еще одно мифологическое существо, полуконь, полусобака, представляющее собой синтез как мифоэпических традиций, так и плод авторского мифотворчества, чудовище, воплощающее необузданную силу и агрессию.

Текст повести амбивалентен, плотно насыщен символами, метафорами, философскими размышлениями героев. Сложное многоплановое повествование о добре и зле, свете и тьме, жизни и смерти автор завершает однозначной победой добра, света, прощения. Так Н. Куек в последней повести совершенно недвусмысленно как бы подводит итог своим

многолетним художественным поискам, утверждая торжество светлых гуманистических начал в жизни.

Таким образом, обращение Н. Куека к мифопоэтике оказалось весьма продуктивным для эпики Н. Куека, существенно отразившись на художественно-

эстетической основе его повестей, и способствовало воссозданию национальной картины мира в философски-обобщенных образах, вскрывая глубокие пласты народного мироощущения и мировидения.

Примечания:

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточ. лит., 2002. 406 с.
2. См. об этом Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Качество, 2006. 312 с.; Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик, 2007. 378 с.
3. Куек Н.Ю. Превосходный конь Бечкан // Нальбий Куек. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Роман в новеллах, повести, рассказы. Майкоп, 2011. С. 467-538.
4. Куек Н. Лес Одиночества // Нальбий Куек. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Роман в новеллах, повести, рассказы. Майкоп, 2011. С. 351-466.

References:

1. Meletinsky E.M. Poetics of the myth. M.: Vostoch. lit., 2002. 406 pp.
2. See: Paranuk K.N. Myth-poetics and the artistic image of the world in the modern Adyghe novel. Maikop: Kachestvo, 2006. 312 pp.; Khakuasheva M.A. Literary archetypes in the Adyghe writers' works. Nalchik, 2007. 378 pp.
3. Kuyok N.Yu. Bechkan is an excellent horse // Nalby Kuyok. Collected works: in 8 v. V. 1. The novel in short stories, narrative, stories. Maikop, 2011. Pp. 467-538.
4. Kuyok N. The wood of solitude // Nalby Kuyok. Collected works: in 8 v. V. 1. The novel in short stories, a story, stories. Maikop, 2011. P. 351-466.